

Леопольдвилле, от этнических конфронтаций с арабским миром до бельгийской колонизации и от строительства первых железных дорог до социальных проблем мира современности. Комментарий Тишибумбы Канда Матулу к этим событиям часто выявляют его неординарное философское видение собственного места в текучем и меняющемся историческом процессе. Одним из таких комментариев к его картине "Доистория: времена предков" мне хочется завершить данный очерк: «Черный человек существовал со времен Адама и Евы. Не следуя наставлениям никакой религии, ни католической, ни протестантской, ни кимбангистской, наш Заир существовал со времен древности. Наши предки были таковы, какими вы видите их на картине: они умели одеваться и носили одежды из рафии, они умели работать, выращивать маниок и готовить букари. Они умели строить, и у них было свое правительство. Они основали федерацию. У них был свой вождь – но я показываю его на картине, как если бы я выдумал его, и я не даю ему имени, потому что наши попытки "обращения к подлинности" есть, на самом деле, "слепое" возвращение к прошлому. Факт в том, что мы больше не знаем наших предков. Мы утратили это знание».

Примечания

¹ Fabian J. Time and the Other. How Anthropology Makes Its Object. N.Y., 1983.

² Habermas J. Zur Logik der Sozialwissenschaften. Frankfurt, 1970.

³ Роберт Шолте в конце 1960-х годов закончил докторантуру в университете Беркли и занял место профессора антропологии в Новой школе социальных исследований в Нью-Йорке. В течение долгого времени он редактировал серию книг "Исследования по философии и антропологии", и его собственные научные интересы лежали на стыке антропологии и философии гуманитарного знания. См., например: Scholte R. The Ethnology of Anthropological Traditions. Berkeley, 1969.

⁴ Fabian J. Language, History and Anthropology // Philosophy of the Social Sciences. 1971. V. 1. PP. 19–47.

⁵ Said E. Orientalism. N.Y., 1978.

⁶ Writing Culture. Berkeley, 1986.

А.Л. Елфимов

© 1999 г., ЭО, № 1

Н.Ф. Мокшина. Религиозные верования мордвы. 2-е изд., доп. и перераб. Саранск, 1998. 248 с., илл.

Мордовское книжное издательство выпустило в свет вторым изданием книгу Н.Ф. Мокшина «Религиозные верования мордвы». Со времени первого ее издания (Саранск, 1968. 160 с.) прошло ровно три десятилетия. Первое издание книги не прошло мимо внимания научной общественности. Ей был посвящен ряд рецензий, в том числе в центральной печати¹, высоко оценивших указанный труд. Вышедшая тиражом в 1000 экз., книга быстро разошлась, по существу не дойдя до массового читателя. Между тем, как показывает жизнь, интерес к книге Н.Ф. Мокшина заметно возрос. Это в немалой степени связано с процессами национального возрождения мордовского народа, невозможными без научного осмысления его исторического прошлого, традиций и обычаев, религиозных верований и обрядов, мифологии – всего того, что ныне нередко объединяют под общим понятием этнического менталитета.

По этой причине второе издание рецензируемой книги становилось все более целесообразным. Естественно, автор значительно переработал и дополнил свой труд, включив в него ряд разделов, отсутствовавших в первом издании. «Введение» дополнено параграфом «Мордва как народ», энциклопедически емко характеризующим основные параметры этого этноса в целом; в раздел «Дохристианские религиозные верования и обряды мордвы» включен отсутствовавший ранее параграф «Религиозно-мифологические представления, связанные с животными». Если первое издание завершалось главой «Пути преодоления пережитков религиозных верований и обрядов мордвы», то во втором издании ее место заняли разделы «Свободомыслие в мордовском фольклоре», «Религия в советское время», «Этноконфессиональная ситуация у мордвы на современном этапе». Досконально учтены сделанные автору еще в процессе подготовки первого издания и поныне не утратившие своей научной значимости советы и замечания выдающегося российского ученого-энциклопедиста, этнолога и религиоведа С.А. Токарева².

В переиздаваемой книге Н.Ф. Мокшин не только ввел ряд новых разделов и подразделов, значительно усовершенствовавших структуру работы, но и обогатил содержание последней новыми, впервые вводимыми в научный оборот полевыми и архивными материалами, которые выявлены автором за три десятилетия, прошедшие со времени первого издания.

Религиозные верования и обряды мордвы привлекают внимание Н.Ф. Мокшина прежде всего в плане генезиса, а также в аспекте их трансформации на различных этапах социально-экономического и культурного развития народа. Он раскрывает мордовское язычество как целостную самобытную религиозную систему, сформировавшуюся в процессе длительного исторического развития, этноконфессионального и этнокультурного взаимодействия с другими народами, систему, игравшую не только большую духовную, но и соционормативную роль.

Значительное место в работе уделено анализу процесса христианизации мордвы, контаминации русского православия с мордовским язычеством, сравнению последнего с язычеством других родственных мордве восточно-финских народов (марийцев, удмуртов, коми), этновероисповедной ситуации в советское и постсоветское время.

Во Введении, состоящем из двух параграфов (1. Мордва как народ и 2. Источники и историография) Н.Ф. Мокшин излагает цель и задачи исследования, концентрированно формулирует разработанную им и обстоятельно изложенную в других его книгах³ новаторскую концепцию становления и развития мордовского этноса. Он убедительно показывает, что мордва – один из коренных, миллионных народов Российской Федерации, занимающих по численности пятое место (после русских, татар, чувашей, башкир) и поныне остается бинарным этносом, содержащим в своей этноструктуре два субэтноса (эрзя и мокшу).

Принципиально важное этнополитическое значение имеет вывод автора, что присоединение мордвы к России, ее включение в единый социальный организм позитивно отразились на этническом развитии мордвы, ибо положили конец ее разобщению в пределах двух постоянно враждовавших между собою государств – Московского великого княжества и Казанского ханства, стимулировали консолидацию мордовского народа. Мордва была первым широко известным крупным по численности народом, примкнувшим к Московскому государству. Это имело позитивное значение и для русского народа. Пример мордвы оказал немалое воздействие на этническую ориентацию других народов Волго-Камья, да и не только этого региона, включавшихся в состав Московии непосредственно вслед за мордвой. Таким образом, присоединение Мордовской земли к Московскому княжеству было кардинальным событием в истории создания Российского полиэтнического государства.

Центральное место в книге Н.Ф. Мокшина как по значимости, так и по общему объему занимают разделы «Дохристианские религиозные верования и обряды мордвы», «Магические колдовские обряды», «Дохристианские религиозные праздники (озксы мордвы)» (с. 40–134), в которых автор характеризует сущность религиозных верований мордвы, их специфику. Особенно большой интерес вызывает пантеон женских божеств – покровительниц сил природы, восходящих своими корнями, как предполагает автор, к материнско-родовой организации первобытного общества.

Раздел «Дохристианские религиозные верования и обряды мордвы» включает десять параграфов, освещающих религиозные представления и обряды, связанные с животными, лесом, землей, водой, ветром, огнем, жилищем, небесными телами и явлениями, умершими, возникновение веры в верховного бога. Классификация традиционных верований и обрядов по объектам их сакрализации способствует их анализу как системы.

Женские божества *Вирява, Ведява, Вармава, Толива, Модава* и др. первоначально воспринимались в качестве покровительниц тех или иных объектов почитания, но затем, видимо, в связи с возникновением идеи господства и подчинения, частной собственности, они стали восприниматься в виде хозяев этих объектов и к их теонамам присоединяется слово *азор* – хозяин, хозяйка, а во главе их всех становится верховный бог *Шкай (Нишке)*. Убедительно выглядит предположение Н.Ф. Мокшина о том, что прототипом этого бога, его прообразом были земные вожди, верховные владыки мордвы, именовавшиеся *инязорами, оязорами, каназорами* (-эрзя-морд. *ине* – великий, *азор* – хозяин, владыка, мокша-морд. *оцю* – большой, великий, *азор* – хозяин, владыка, эрз., мокш. *кан* – хан). После присоединения к Российскому государству этими терминами мордва стала называть русских царей.

Магические колдовские обряды мордвы Н.Ф. Мокшин группирует по их целевому назначению: магия лечебная (знахарство), вредоносная (порча), любовная (половая), хозяйственная и др. Вслед за С.А. Токаревым⁴, Н.Ф. Мокшин полагает, что магию, составляющую органическую часть очень многих,

если не всех, религиозных действий, следует считать не одной из форм, а непременным элементом любой религии, так же как фетишизм и анимизм.

Акцентируя внимание на современном бытовании и бурном расцвете лечебной магии, знахарской практики, тесно связанной с народной медициной, автор, на наш взгляд, справедливо подчеркивает, что существенными причинами этого являются кризисное состояние нашего общества, экономическая и экологическая напряженность, социально-политическая нестабильность. «Здоровье наиболее уязвимых категорий населения – детей, инвалидов, стариков, беременных женщин – в связи с коммерциализацией системы здравоохранения, ростом стоимости лекарственных препаратов, в том числе и первой необходимости, было поставлено под удар» (с. 106). Указанные факторы привели к заметному оживлению знахарских приемов лечения не только в сельской, но и городской среде, увеличению категории людей-врачевателей, которые стали так или иначе обслуживать, удовлетворять нужды и запросы населения в отношении не только физического, но и психического, нравственного здоровья.

В тесной связи с трудовой, хозяйственной практикой, с традициями общинных работ находятся многие мордовские праздники-моления (*озксы*). Естественно, что у мордвы – народа, искони ведущего оседлый образ жизни, религиозные праздники были связаны в первую очередь с земледелием. Они могли быть общественными, т.е. устраивались всем селом (сельской общиной), когда имелись в виду интересы всего общества (начало пахоты, сева, уборки урожая и т.п.) и семейными, когда имелись в виду интересы отдельной семьи.

Как свидетельствует исследование Н.Ф. Мокшина, большинство мордовских озксов не имело точной календарной даты проведения. Они, как правило, были связаны с началом, серединой или завершением тех или иных работ. В озксах проявлялись не только стремление задобрить грозные силы природы, их религиозных покровителей, но и оптимистические мотивы, выражавшие радость жизни, желание отдохнуть, расслабиться после завершения тех или иных трудовых процессов. Мотивы эти выливались в хороводы, песни, игры, пляски, народные спортивные состязания, в непринужденный смех по поводу остроумного слова, шутки, бытового анекдота.

В небольшом по объему, но информативно насыщенном разделе Н.Ф. Мокшин дает сравнительную характеристику верований и обрядов финно-угорских народов Средней Волги, основываясь при этом преимущественно на собственных полевых материалах и наблюдениях. Вызывает немалый интерес его вывод о том, что верования и обряды мордвы наиболее близки марийским. Сравнительный анализ позволил сделать весьма оригинальное предположение не о «стадиальной» близости, а об общности истоков религиозных систем мордвы и марийцев. Об этом, в частности, свидетельствуют теонимы мордовских и марийских божеств, образованные по одному принципу: к названию олицетворяемой силы природы или другого какого-то объекта прибавлялось слово *ава*, означающее как у мордвы, так и у марийцев женщину, мать.

Думается, продуктивно предположение Н.Ф. Мокшина, что в тот отдаленный период, когда создавались эти божества, предки мордвы и марийцев еще не обособились в отдельные этнические общности, а составляли единую этническую общность или по меньшей мере были близкородственными. Данная гипотеза по своей значимости выходит далеко за рамки собственно этнического религиоведения, представляя несомненный интерес и для многих других наук, занимающихся проблемами этногенеза.

Говоря о христианизации мордовского народа, автор верно констатирует, что это был сложный, длительный и противоречивый процесс, вписанный в структуру другого, исторически гораздо более широкого и многозначного процесса присоединения мордовского народа к Российскому государству и последующего развития в его составе. Оценка процесса христианизации мордвы не может быть однозначно положительной или отрицательной. Несмотря на всю насильственность, принудительность, в целом принятие христианства мордвой следует считать явлением позитивного порядка. И дело заключается не только в росте культуры и образования, связанном с миссионерско-просветительской деятельностью Русской православной церкви среди мордвы, а в первую очередь в том, что русский и мордовский народы составили единый социальный организм, сцементированный комплексом факторов, в ряду которых православие было одним из ведущих.

С принятием христианства мордва, как и все другие ставшие христианскими народы Западной и Восточной Европы, не утратила своей этнической самобытности. И автор, нам думается, прав, полагая, что так называемая Мокшэрзянская лютеранская церковь, три небольшие общины которой образовались в Мордовии в 1990-х годах (две в Саранске и одна в г. Ковылкино), не станет серьезной альтернативой Православной церкви Мордовии, ибо она не имеет под собой исторической почвы, а базируется, в

основном, на недоработках современного русского православия, в том числе слабом использовании мордовского (эрзя и мокша) языка в практике богослужения, что вполне можно поправить.

Столь же бесперспективно возрождение на современном этапе и мордовского язычества, пусть даже в форме неоязычества, как антитезы православию. Как отмечает автор, мордва – народ православный, причем наиболее христианизированный из всех народов Поволжья.

В разделе «Религия в советское время» Н.Ф. Мокшин анализирует состояние религиозности мордвы в годы советской власти, показывает процессы распространения атеизма, связанные с ростом культуры, образования, развитием здравоохранения, как и процессы внедрения «воинствующего атеизма» в мордовскую среду, приводившие к форсированному, порой ничем не оправданному свертыванию сети церкви и монастырей, репрессиям против священнослужителей. На конкретных материалах, полученных в результате полевых этнографических исследований, Н.Ф. Мокшин показывает, что позиции религии даже в 1960-е годы, в период значительного усиления целенаправленной антирелигиозной работы, активного создания безрелигиозной обрядности, были достаточно прочными.

Думается, автор прав, заявляя, что одним из главных пороков работы по формированию новой обрядности, приведшим в конце концов к ее ослаблению, а затем и к свертыванию последней, «было игнорирование самобытности культур народов Союза ССР, стремление создать для всех их по существу однородные, общесоветские обряды и праздники, не обладавшие национальной спецификой, оторванные от вековых этнических традиций» (с. 210).

В завершающем разделе «Этноконфессиональная ситуация у мордвы на современном этапе», написанном с участием Е.Н. Мокшиной, освещены те значительные изменения, которые происходят ныне в вероисповедной жизни мордовского народа. Пожалуй, одним из наиболее очевидных показателей этих перемен является процесс, который можно назвать легализацией религиозности, когда многие люди, скрывавшие в советские годы в силу известных причин свою религиозность, в новых условиях стали вести себя более раскованно, непринужденно, не пряча от окружающих, а особенно от властных структур, свою веру, причастность к исполнению религиозных обрядов. Верить в бога в советское время было непрестижно. По этой причине многие слои общества, особенно интеллигенция, служащие, учащиеся, скрывали свою религиозность, опасаясь, и вполне резонно, партийной, комсомольской и даже пионерской кары – того или иного взыскания за религиозность, исполнение религиозных обрядов.

Несмотря на то что религиозность мордвы была довольно высокой (судя по проведенным Н.Ф. Мокшиным выборочным исследованиям, почти 40% всего населения Мордовии, причем проценты эти не учитывали сочувствующих религии, как и колеблющихся между верой и неверием), в те годы в Мордовии официально функционировало менее трех десятков церквей, а к началу перестройки (1985 г.) их число сократилось до девятнадцати (с. 218). Закрытие церквей, неуклонно осуществлявшееся тогдашними партийными и государственными органами, не было адекватным снижению религиозности, оно искусственно форсировалось. Возрастание числа приходов РПЦ на территории Мордовии с 19 в 1985 г. до 91 в 1998 г. – убедительное тому свидетельство.

В настоящее время религиозность мордвы, как и населения РФ в целом, еще более возросла, что подтверждается материалами этнографических экспедиций Мордовского университета, проведенных в 1995–1997 гг. (с. 219–220). Немаловажным событием в современной этноконфессиональной жизни мордовского народа явилось открытие в 1991 г. Саранской и Мордовской епархии РПЦ.

Все сказанное свидетельствует о том, что рецензируемое исследование Н.Ф. Мокшина, бесспорно, является знаменательной вехой в изучении мордовского народа, оно по праву займет почетное место не только в ряду исследований, посвященных мордовской этнографии, но и в этнологической науке в целом.

Примечания

¹ Носова Г.А. Новые исследования по религии народов Поволжья // Вопросы научного атеизма. Вып. 14. 1., 1973. С. 361–366.

² Мокшин Н.Ф. С.А. Токарев – мой официальный оппонент // Благодарим судьбу за встречу с ним. О ерgee Александровиче Токареве – ученом и человеке. М., 1995. С. 91–103.

³ Мокшин Н.Ф. Этническая история мордвы. Саранск, 1977; *его же*. Мордовский этнос. Саранск, 1989.

⁴ Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1964. С. 25–40.